

В. И. Пефтиев

Исторические судьбы России в творчестве П. Я. Чаадаева: штрихи к экзистенциальному портрету

Россия познакомилась при жизни П. Я. Чаадаева (1794–1856) с его творчеством лишь в отрывках, в пристрастных суждениях и на французском языке (исключение составляет первое письмо – «Апология сумасшедшего»). В статье предпринята попытка рассмотреть творчество П. Я. Чаадаева в проекции сквозной и ведущей темы исторических судеб России в проблемном поле культурологии. Соответственно, идеи П. Я. Чаадаева о России и Европе предстают как процесс, нелинейное движение, а не как застывшее суждение, без учета зигзагов эпохи и экзистенциальных развилок в его биографии. Авторская интерпретация опирается на философский экзистенциализм, феномен и понятие, передающее логику общественного развития до и после Крымской войны. П. Я. Чаадаев вплотную подошел к проблеме различения цивилизаций, «нащупал» некоторые опорные конструкции российской (православной) цивилизации, сделал заявку на открытие задолго до А. Тойнби (1889–1985). П. Я. Чаадаев подтвердил, что религия – это нечто глубокое, укорененное в человеке и обществе, в чем-то даже подсознательное и магическое. Личная судьба П. Я. Чаадаева является проверкой истины: и гений может попасть в жернова ситуации «чужой среди своих», быть не на своем месте и понести наказание за опережение своего века, его побуждений и предрассудков.

Ключевые слова: исторические судьбы России, Европа, философия и религия, Крымская война, экзистенциализм, творчество П. Я. Чаадаева.

V. I. Peftiev

Historical Destinies of Russia in P. Ya. Chaadaev's Works: Strokes to the Existential Portrait

Russia got acquainted during lifetime of P. Ya. Chaadaev (1794–1856) with his works only in fragments, in biased judgments and in French (excepting the first letter «Apology of the madman»). In the article an attempt to consider P. Ya. Chaadaev's works in the projection of a through and leading subject – historical destinies of Russia in the problem field of culturology is made. P. Ya. Chaadaev's ideas about Russia and Europe seem to be a process, nonlinear movement, but not as a stiffened judgment without zigzags of the era and existential diverge points in his biography. The author's interpretation relies on philosophical existentialism, a phenomenon and a concept virtuality and logic of social development before and after the Crimean War. P. Ya. Chaadaev closely approached the problem of civilizations distinction, groped some fundamental bases of the Russian (orthodox) civilization, made an attempt for opening long before A. Toynbee (1889–1985). P. Ya. Chaadaev confirmed that the religion is something deep, implanted in the person and society, even subconscious and magic. The personal destiny of P. Ya. Chaadaev is a check of the truth: and the genius can occur in the situation «enemy within», to be in a wrong place and to be punished for advancing the century, its motives and prejudices.

Keywords: historical destinies of Russia, Europe, philosophy and religion, Crimean war, existentialism, P. Ya. Chaadaev's works.

Я думаю, что прогресс еще невозможен у нас без апелляции к «суду Европы».

Я любил мою страну по-своему, вот и все, и прослыть ненавистником России было для меня тяжелее, нежели я могу вам выразить.

Из письма П. Я. Чаадаева
А. де Сиркуру¹ (1846)

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) – трагическая личность, российский мыслитель с «отрицательной репутацией» [12, с. 7]. Блестящая военная карьера оборвалась внезапной отставкой (1821). Современники и последующие поколения исследователей выдвигали различные версии этого поворота в биографии Чаадаева. Большинство из них его критикуют: опоздание (случай-

ное и/или преднамеренное) на встречу с Александром I в Троппау; нелюбезные отзывы о начальнике – кн. И. В. Васильчикове; снобизм в одежде и манере поведения и др. По возвращении в Россию из длительного путешествия по Европе (Англия, Франция, Германия, Швейцария, 1823–1826) подвергнут полицейскому допросу из-за связей с декабристами. По личному указанию Николая I объявлен сумасшедшим (1836); медицинский надзор снят годом позже. В Петербурге его не знали, а Москва не поверила в его сумасшествие. В 1846 г. Чаадаев пережил серьезный душевный кризис и опасное ухудшение здоровья (дряхлость от нервного расстройства). В 40–50-е гг. вел скрытую полемику со славянофилами; она сохранилась отголосками в

письмах. Чаадаев тяжело переживал приближение Крымской войны и застал ее финал.

Россия знакомилась с творчеством П. Я. Чаадаева лишь в отрывках и в пристрастных суждениях. Его философские письма [8] обсуждались в избранном обществе (верных друзей и близких знакомых) и на французском языке. Публикация первого философского письма (без указания автора) состоялась в Университетском органе «Телескоп» (№ 15 за 1836 г.) и вызвала незамедлительные репрессии со стороны официальных властей и разноречивые оценки читателей (от А. С. Пушкина и до явных недоброжелателей, например, Ф. Ф. Вигеля). Неоднократные попытки издать философские письма в России и за рубежом не увенчались успехом. И лишь в 1862 г. по инициативе И. С. Гагарина, автора труда о католических тенденциях в русском обществе, изданы на французском языке (Париж – Лейпциг) отдельные письма П. Я. Чаадаева. В 1908 г. М. О. Гершензон перевел часть писем П. Я. Чаадаева на русский язык вместе с биографическим очерком [1]. В изучение творчества П. Я. Чаадаева внес значительный вклад и Д. И. Шаховской (1935). В послевоенной советской литературе сочинения П. Я. Чаадаева замалчивались или искажались как сложившиеся исключительно под влиянием идей католического провиденциализма и социального христианства [3]. Поворот к взвешенной оценке творчества Чаадаева зафиксирован с конца 80-х гг. XX в.: появляются публикации избранных трудов со вступительными статьями и комментариями Б. Н. Тарасова, М. Б. Велишева, В. А. Мильчиной и др. [2, 9, 12]. О Чаадаеве обычно пишут философы, историки, литераторы. Часто исследуются лишь философские письма и «Апология сумасшедшего», отдельные письма корреспондентов Чаадаева. Вне рассмотрения афоризмы П. Я. Чаадаева (отдельный сюжет) и редкие сочинения на злобу дня. В статье предпринята попытка рассмотреть творчество П. Я. Чаадаева в проекции сквозной и ведущей темы – исторических судеб России в проблемном поле культурологии. Соответственно, идеи П. Я. Чаадаева о России и Европе предстают как процесс, движение нелинейное, а не как застывшие суждения, без учета зигзагов эпохи и экзистенциальных развилок в его биографии. Авторская интерпретация опирается на философский экзистенциализм, феномен и понятие, отражающее виртуальность и логику общественного раз-

вития России до и после Крымской катастрофы [7].

Главное в экзистенциализме – это субъект (действующее лицо), его отношение к своей эпохе и ответы на вызовы жизненных развилок. Мыслитель неизбежно сталкивается с виртуальностью (воображением, образом), которая есть реальность, но вторичная (после эпохи), здесь и сейчас, текущая. Он оказывается в плену у общественного мнения – силы стихийной, трудно поддающейся контролю. Потомки мыслителя обязаны обнаружить истоки его воззрений (накопленные до него знания), абстрагироваться от его повседневности («событийная пыль») и обнаружить непреложное (относительно вечное) в его наследии [6]. После этих предварительных пояснений приступаем к анализу взглядов П. Я. Чаадаева на исторические судьбы России.

Историософия П. Я. Чаадаева зародилась и сформировалась в 20-е гг. XIX столетия под воздействием противоречивых тенденций. Это десятилетие чем-то напоминает историческую синусоиду... Александр I – триумфатор Наполеона. Дворянский мятеж 14 декабря 1825 г. Успешная война с Турцией (1828–1829). Поляризация общественных движений во Франции: с одной стороны, аристократическая реставрация и на ее волне экспансия католицизма и недовольство бывших республиканцев лидирующей ролью России в Священном союзе – с другой. Эти события, вне сомнения, наложили свой отпечаток на воззрения Чаадаева периода бесед и раздумий, изложенных потом в «Философических письмах».

В Европе Чаадаев знакомится с тогдашними знаменитостями, например, с немецким философом Шеллингом (1775–1854) на курорте Карлсбад (1825). В круг интенсивного чтения попали произведения де Сталь («О литературе...»), Шатобриана («Гений христианства»), де Местра («О папе»), Ламенне (Священное писание) и др. Осмысление трудов зарубежных философов, богословов, литераторов воплотилось в исходных тезисах первого и последующих философских писем П. Я. Чаадаева, а также в некоторых отрывках и афоризмах:

– Слияние философии и религии (от Шеллинга). Священное писание – это не предвидение будущего, а учение на все времена (Шатобриан, Ламенне). В нем личное спасение каждого (заповедь Чаадаева).

– Историческая оторванность России от Запада. Многовековое отчуждение от католическо-

го мира. «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок». Письмо первое [12, с. 37].

– Россия – особый мир (ни Европа, ни Азия – нечто третье). У нее свои движущие силы – Византия и православие. К ним добавляются география (северная страна, обширные территории) и история (Петр I, дворцовые перевороты, войны с соседями).

Эти исходные позиции, полагаем, оставались для Чаадаева непреложными и после скандала 1836 г. Разумеется, аргументация добавлялась и уточнялась; он избавляется от преувеличений (наследие де Местра) и резких эпитетов в адрес России.

К историософии Чаадаева прилагаются (благодаря изысканиям М. И. Жихарева) и меткие афоризмы и отрывки. Вот некоторые из них, с загадками для интерпретаторов (с нумерацией в современных изданиях, за 1828–1850-е гг.):

67. Как поступают с мыслью во Франции? Ее высказывают. В Англии? Ее применяют на практике. В Германии? Ее переваривают. А как поступают с ней у нас? Никак, и знаете, почему?

108. Русский либерал – это бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце Запада.

152. Слава богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных.

115. Слово звучит лишь в отзывчивой среде.

177. Хронология Европы чужда нам, мы присутствуем при жизни нашего века, но не участвуем в ней.

223. Морская держава – без побережья, без колоний, без торгового флота. Можно ли при этом не прыснуть со смеха? [9].

Сошлемся и на эпиграф к первому письму. «Народы воспитывают века, как людей – годы». Эти афоризмы достойны соперничества с максимами Варенага, Ларошфуко, Паскаля и других великих стилистов Франции.

Почему же историко-философское кредо П. Я. Чаадаева вызвало отторжение современников? Систематизируем наиболее нейтральные и взвешенные суждения аналитиков последующих поколений. Начнем с М. Гершензона. Его трактовка троякая: 1) первое письмо не предназначалось для публики; 2) истинный патриотизм только в ненависти к самодержавной России (иллюзия, имеющая поклонников и сегодня. – В. П.); 3) горький стыд за Россию после ознакомления интеллигентов со свободой печати во Франции

(пусть и под контролем цензуры) [1, с. 62, 64, 68]. В издании РОССПЭН (2010) называются и другие причины и обстоятельства, которые вредили его репутации:

– невосребованность аргументов в жанре письма (манера изложения, популярная во Франции и редкая в России);

– вторичность идей, заимствованных во Франции и Германии (подтверждаются истоки его высказываний);

– сложности перевода с французского на русский (в подлиннике слова и фразы звучат не столь резко и однозначно: безумный – это не «сумасшедший»)²;

– нарочито негативные суждения о России на фоне исторической риторики;

– ореол собственной исключительности...

Информация к размышлению...

П. Я. Чаадаев – самая знаковая фигура – жертва «мрачного десятилетия» в истории России (30-е гг. при Николае I)³. Ярость властей вызвала скандально известная книга Астальфа де Кюстина (1790–1857) «Россия в 1839 году» [2]. В ней упоминается встреча французского путешественника (не дипломата, не чиновника) с опальным Чаадаевым [2, с. 546–549]. Контрпроект по разоблачению «измышления» француза, несмотря на многолетние старания посольства и агентуры III отделения в Париже и министра просвещения С. С. Уварова, позорно провалился [4, 5]. Более того, книга де Кюстина издавалась в Париже трижды, в 4-х томах, с дополнениями и уточнениями [13]. Один из фрагментов 4 тома посвящен Ярославлю как пригороду Москвы [13, р. 37–46].

В письме Сиркуру от 15 января 1854 г. Чаадаев вспоминает: «Скоро будет 2 года, когда вы мне прислали интереснейшее письмо. Это было в момент вашего знаменитого переворота» [12, с. 267]. И через страницу с удовлетворением констатирует: «Наш патриотизм вырос» [12, с. 268]. В наброске статьи для парижского журнала «Вселенная» (L'Univers, 15 января 1854 г.) Чаадаев сожалеет о том, что Россия для Франции – это голый факт, стремительно развернутый на карте земного шара. Его беспокоят антирусские настроения во Франции. Здесь же высказано предупреждение и дипломатии России: «Она (Россия) приближается к гибели всякий раз, когда ставит себя в прямое противостояние со старыми цивилизациями» [9, с. 318, 321]. Угроза войны зафиксирована и в выдержках из «Письма неизвестного неизвестной» (1854): «Правитель-

ство было убеждено, что, как только оно бросит перчатку нечестивому и дряхлому Западу, к нему устремятся симпатии новых патриотов...» [9, с. 307]. Беспечность, помноженная на иллюзии. Тревожные настроения Чаадаева подтверждали многие современники (А. И. Дельвиг, Д. Н. Свербеев и др.) [9, с. 358]. Чаадаев незамедлительно дает всестороннюю оценку перевороту, совершенному Наполеоном III. Поражает точность характеристик. Переворот не означает торжества порядка. Армия – это машина высокого напряжения. Новый император навязывает Франции пагубную политику (торжество имперской гвардии, капитала), потакает национальному тщеславию. Воинственный дух нации толкнет Францию на авантюры. И в тексте проницательный прогноз: «Итак, – берегитесь, соседи!» [11, с. 204–208]. Коалиция с участием Франции победила в Крымской войне. Наполеон III проиграл Пруссии в войне 1870–1871 гг., попал в плен. Франция заплатила громадную контрибуцию золотом. Голос философа и его интуиция что-то да значат для политиков?

Повествование о П. Я. Чаадаеве завершено. Не скрыть того, что идеи затворника на Басманной улице («басманный философ») отрывочны, путанны, высказаны в эпистолярном стиле и подвергались со временем корректировке. Личные слабости П. Я. Чаадаева не способствовали общению с ним «чужих» людей (недоступность, отчужденность, настороженность). В чем же тогда секрет притягательности его литературно-философского наследия? Какие уроки может извлечь из его текстов и литературы о нем читатель XXI в.?

Чаадаев вплотную подошел к проблеме различия цивилизаций и нащупал некоторые опорные конструкции российской (православной) цивилизации. Его наблюдения еще далеки от стандартов философской концепции (в немецкой традиции) – это своеобразное введение в тему. Но ему нельзя отказать в приоритете, заявке на открытие задолго до классического произведения А. Тойнби [8].

Чаадаев подтвердил, что религия – нечто глубокое, укорененное в человеке и обществе, в чем-то даже подсознательное и личное. С религией не шутят, святые не оскверняют. Религиозные расколы веками преодолеваются именно через проявление терпимости друг к другу. Соответственно, проекты ускоренного и рукотворного сближения православия с католицизмом начисто отвергались российским обществом

XIX в. В этом убедился великий философ и публицист В. С. Соловьев (1853–1900). Но сотрудничество мировых религий по глобальным вопросам современности необходимо и возможно. Благородный почин по защите христиан от геноцида сделан на встрече в Гаване патриарха РПЦ Кирилла и папы Римского Франциска (2016).

Личная судьба П. Я. Чаадаева, увы, является трагическим подтверждением вечной истины: и гений может попасть в жернова ситуации «чужой среди своих», быть не на своем месте и понести общественное наказание за опережение своего века, его побуждений и предрассудков. Такими примерами поучительна история России.

Библиографический список

1. Гершензон, М. П. Я. Чаадаев: жизнь и мышление [Текст] / М. Гершензон. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 321 с.
2. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году : в 2-х т. / пер. с фр., отв. ред., ст. В. Мильчина [Текст] / А. де Кюстин. – М. : ТЕРРА, 2000. – 640 с.
3. Новый энциклопедический словарь [Текст]. – М. : РИПОЛ классик, 2012. – С. 1473–1568.
4. Мильчина, В. А. Россия и Франция. Дипломат. Литератор. Шпион [Текст] / В. А. Мильчина. – М. : Гиперион, 2004. – 528 с.
5. Мильчина, В. А. Несколько слов о маркизе де Кюстин, его книге и ее первых русских читателях [Текст] / В. А. Мильчина // Кюстин, А. де. Россия в 1839 году : в 2-х т. / пер. с фр., отв. ред., ст. В. Мильчина [Текст] / А. де Кюстин. – М. : ТЕРРА, 2000. – С. 477–494.
6. Павлов, А. В. Дискурс и его логика: рождение науки из духа улицы [Текст] / А. В. Павлов // Социум и власть. – 2016. – № 1. – С. 15–20.
7. Певтиев, В. И. Исторические судьбы России в публицистике современников Крымской войны (Ф. И. Тютчев, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин) [Текст] / В. И. Певтиев // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 264–270.
8. Тойнби, А. Дж. Постигание истории [Текст] / А. Дж. Тойнби. – СПб.; М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
9. Чаадаев, П. Я. Статьи и письма [Текст] / П. Я. Чаадаев; вст. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. – М. : Современник, 1987. – 367 с.
10. Чаадаев, П. Я. Избранные письма : в 2-х т. [Текст] / П. Я. Чаадаев. – М. : Наука, 1991.
11. Чаадаев, П. Я. Цена веков [Текст] / П. Я. Чаадаев. – М. : Мол. гв., 1991. – 253 с.
12. Чаадаев, П. Я. Избранные труды [Текст] / П. Я. Чаадаев / вст. ст. и коммент. М. Б. Велишев. – М. : РОССПЭН, 2010. – 968 с.
13. Le Robert pour tous. Paris. 1994. – P. 487–488.
14. La Russie en 1839 par le marqui de Custine. T. 1–4. Paris. 1846.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gershenzon, M. P. Ja. Chaadaev: zhizn' i myshlenie [Tekst] / M. Gershenzon. – SPb. : Tip. M. M. Stasjulevicha, 1908. – 321 s.
2. Kjustin, A. de. Rossiya v 1839 godu : v 2-h t. / per. s fr., otv. red., st. V. Mil'china [Tekst] / A. de Kjustin. – M. : TERRA, 2000. – 640 s.
3. Novyj jenciklopedicheskiy slovar' [Tekst]. – M. : RIPOL klassik, 2012. – S. 1473–1568.
4. Mil'china, V. A. Rossiya i Franciya. Diplomati. Literatori. Shpion [Tekst] / V. A. Mil'china. – M. : Giperion, 2004. – 528 s.
5. Mil'china, V. A. Neskol'ko slov o markize de Kjustin, ego knige i ee pervyh russkih chitateljah [Tekst] / V. A. Mil'china // Kjustin, A. de. Rossiya v 1839 godu : v 2-h t. / per. s fr., otv. red., st. V. Mil'china [Tekst] / A. de Kjustin. – M. : TERRA, 2000. – S. 477–494.
6. Pavlov, A. V. Diskurs i ego logika: rozhdenie nauki iz duha ulicy [Tekst] / A. V. Pavlov // Socium i vlast'. – 2016. – № 1. – S. 15–20.
7. Peftiev, V. I. Istoricheskie sud'by Rossii v publicistike sovremennikov Krymskoj vojny (F. I. Tjutchev, M. N. Katkov, B. N. Chicherin) [Tekst] / V. I. Peftiev // Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. – 2015. – № 6. – S. 264–270.
8. Tojnbi, A. Dzh. Postizhenie istorii [Tekst] / A. Dzh. Tojnbi. – SPb.; M. : Progress, 1991. – 736 s.
9. Chaadaev, P. Ja. Stat'i i pis'ma [Tekst] / P. Ja. Chaadaev; vst. st. i komment. B. N. Tarasova. – M. : Sovremennik, 1987. – 367 s.
10. Chaadaev, P. Ja. Izbrannye pis'ma : v 2-h t. [Tekst] / P. Ja. Chaadaev. – M. : Nauka, 1991.
11. Chaadaev, P. Ja. Cena vekov [Tekst] / P. Ja. Chaadaev. – M. : Mol. gv., 1991. – 253 s.
12. Chaadaev, P. Ja. Izbrannye trudy [Tekst] / P. Ja. Chaadaev / vst. st. i komment. M. B. Velishev. – M. : ROSSPJeN, 2010. – 968 s.
13. Le Robert pour tous. Paris. 1994. – P. 487–488.
14. La Russie en 1839 par le marqui de Custine. T. 1–4. Paris. 1846.

¹ Адольф Мария Пьер Сиркур (1801–1879) – граф, французский дипломат, публицист. Дважды посещал Россию (1835–1836, 1844). П. Я. Чаадаев познакомился с де Сиркуром в Москве (1842). Велась переписка. Последнее письмо А. де Сиркура 1852 г. не сохранилось и осталось без ответа. Жена А. де Сиркура – Анастасия Семеновна Хлыстина.

² Французские слова fou-aliené (с лат. – неразумный, экстравагантный, человек опасного поведения) точнее выражают значение понятия «безумный». См.: [14].

³ Николай I и его ближайшее окружение испытывали панический страх перед революционной «заразой» из Франции (1830, 1848). Отсюда и неадекватная реакция на любые проявления вольнодумства у себя дома. Но вдумчивые историки, осознавая одиозность этой мании, приводят, однако, факты и достижения «точной» индустриализации в России при правлении Николая I.